

ДЖЕН УИЛЬЯМС

18+

СЕСТРА
ГРИФОНАМ

Дилогия Когтя

Джен Уильямс

Сестра грифонам

«Азбука»

2023

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уильямс Д.

Сестра грифонам / Д. Уильямс — «Азбука», 2023 — (Диалогия
Когтя)

ISBN 978-5-389-32508-1

Девушка, воспитанная грифонами и не представляющая жизнь среди людей. Супервоительница, пытающаяся вспомнить свое прошлое. Пока они даже не подозревают о существовании друг друга, но вскоре поймут, что их судьбы связаны... Взяв в семью осиротевшего человеческого младенца, грифоны пошли против всех традиций и правил. Но Инис мирно росла бок о бок с крылатой сестрой Труук... до поры до времени. Теперь хрупкое равновесие нарушено, и столь непохожие друг на друга сестры вынуждены искать место, которое обе смогут назвать домом. Левен – солдат, герольд Звездной империи. Больше о себе она не знает ничего: герольды получают сверхъестественные способности, но лишаются воспоминаний о жизни до службы. Но вот война окончена, и Левен отправляется в путь, чтобы выяснить, кто она на самом деле. В сознании мелькают странные видения, указывающие на край грифонов... А между тем посланник императрицы Каэто помогает в чрезвычайно рискованной экспедиции создательнице герольдов, алхимику Гинид Тайли. Под угрозой не только жизни участников экспедиции и репутация империи, но и весь сложившийся миропорядок... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-32508-1

© Уильямс Д., 2023

© Азбука, 2023

Содержание

Часть первая. От «Губы» до Логова нежити	8
Пролог	8
1	12
2	17
3	24
4	28
5	32
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джен Уильямс Сестра грифонам

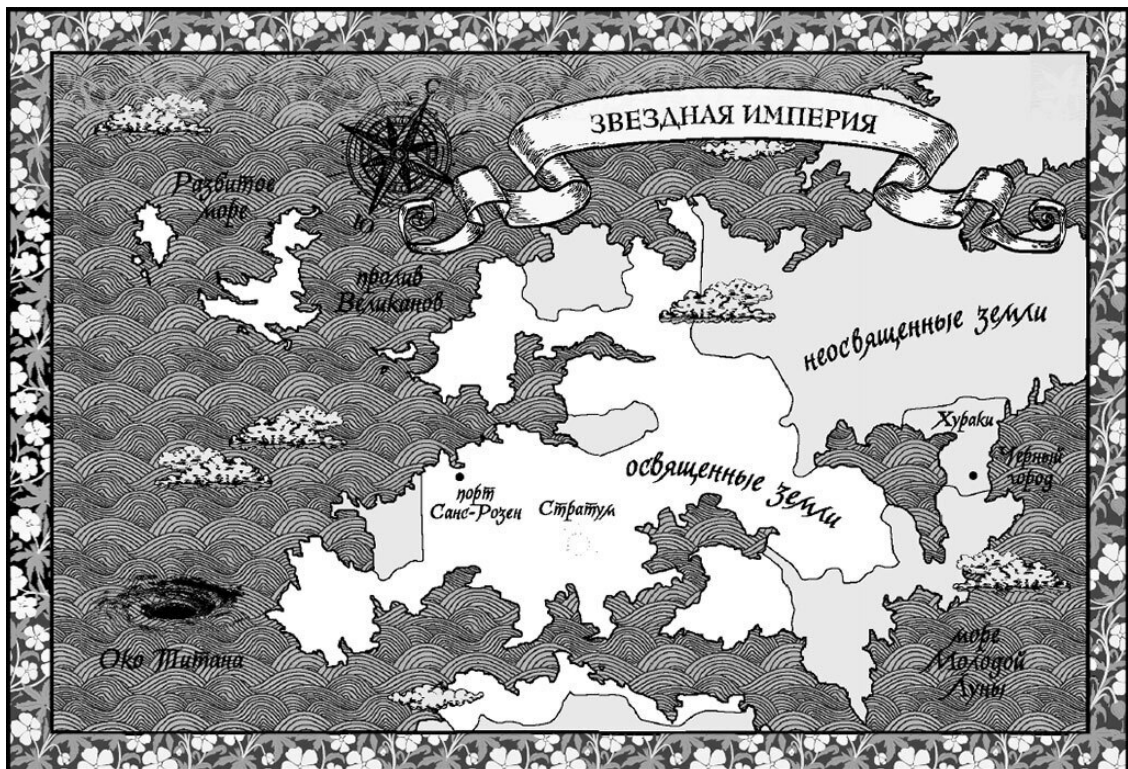
Посвящается Марти – вперед, в Дикий лес!

Jen Williams
TALONSISTER

Copyright © 2023 by Jen Williams
All rights reserved

Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрация на обложке Ольги Закис

© Н. Маслова, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Часть первая. От «Губы» до Логова нежити

Пролог

Наше начало – йенлин, медленное созревание внутри оболочки. Каждый йенлин – общая ответственность. Невылупившийся йенлин не принадлежит ни к клану львиного когтя, ни к клану орлиного когтя, его нельзя связать клятвой, на него не распространяется кровная месть. Символ веры грифона, начертанный Фионоваром Красным на пике Серебряной Смерти

Запах крови красной лентой пронизывал небо, ускользяще стремительный, но безошибочно узнаваемый. Флейн повернулся к Твору, чтобы понять, заметил тот или нет. Твор уже складывал крылья, направив свою узкую, по-змеиному гладкую голову к земле. Они были на самом краю страны грифонов; здесь горы переходили в предгорья, а за ними, на юге, лежали человеческие земли Бретленин, хотя большинство грифонов предпочитали не называть остров так. Прямо под ними простиралась ничейная земля – трава, снег и редкие деревья.

Твор плюхнулся на землю шумно, разбрасывая грязь и снег. Флейн аккуратно сел рядом. – Кровь, – сказал Твор без всякой необходимости.

Флейн приоткрыл клюв, пробуя воздух на вкус. Зима была в самом разгаре, но день выдался необычайно теплым, и воздух пропитался ароматами хвои, талого снега, лишайников, к чему добавился острый запах Твора. А поверх всего этого пахло кровью, насилием. Флейн захлопнул клюв.

– Человек, – сказал он. – А еще...

Тишину разорвал пронзительный крик. От неожиданности Твор вздрогнул и шагнул назад, а у Флейна перья на шее встали дыбом. Рядом с ними кто-то вопил, визжал, пронзительно и страшно. Вдруг Флейн заметил шевеление на самом краю поляны. Что-то копошилось прямо на земле – что-то мелкое и, скорее всего, несъедобное, ибо что же еще может пресмыкаться так низко? Любопытство взяло верх над грифонами, и они плечом к плечу двинулись на звук.

– Что это?

Сначала Флейн решил, что вопит комок тряпок, в которые любят кутаться люди, но, приглядевшись, увидел внутри свертка существо с маленькой круглой мордой, голой и мягкой на вид, и крошечными руками, крепко сжатыми в кулаки. Посередине морды находилось широкое отверстие, откуда шел крик, зато глаза совсем закрылись от натуги.

– Это детеныш, – сказал Флейн. – Человек, только совсем маленький.

Он поднял голову и огляделся. Люди обычно не отпускают своих детенышей одних, особенно таких мелких, но в заснеженном лесу он не уловил больше никакого шевеления.

– Их йенлин? – Твор опустил голову и поводил клювом по снегу, сначала одной стороной, потом другой. Клюв заблестел, как старый речной лед. – Отнесем его Труук. Она уже давно не йенлин и способна питаться свежатинкой.

Заметив, что Флейн колеблется, он нетерпеливо фыркнул:

– Давай быстрее, мне надоел этот шум. Порви его, принесем ей каждый по половине, чтобы ты не был ее любимчиком, как всегда. А хочешь, так съешь его прямо сейчас. Лишь бы он заткнулся.

Тут визг буквально удвоился, как будто детеныш понял, о чем они говорят. Флейн положил лапу на грудь маленькой твари и медленно выпустил когти. К его удивлению, кулачок

детеныша сомкнулся вокруг его когтя, словно маленькое существо то ли отталкивало его, то ли, наоборот, хотело поприветствовать. В зимний день молодая свежатинка с мягкими упругими внутренностями пришлась бы как раз кстати. Да и косточки, хотя их и мало, будут приятно похрустывать при еде.

Но Флейн не стал есть маленького человека. Он склонился, разглядывая его сердитую мордашку, а потом негромко спросил его на человечесьем:

– Ты потерялся?

Твор весело воскликнул:

– Ты бы еще с коровой поговорил, прежде чем ее зарезать! Мол, приятная сегодня погодка, и все такое.

– Странно.

Флейн снова окинул взглядом темные деревья перед ними, а потом стал разглядывать грязь у них под лапами. Там, где ее не вспахали когти Твора, были видны отпечатки – следы человеческих ног. Расстояние между отпечатками было длиннее, чем йенлин.

– Человеческих детенышей обычно не оставляют одних на морозе. И от них не пахнет кровью. Где же те, кто положил его здесь? Умерли или прячутся?

Твор встрепенулся. Человеческий детеныш – хороший обед для их детеныша, но двоих взрослых людей с лихвой хватило бы им троим. Большой черный грифон опустил голову и открыл клюв, пригнувшись, и вскоре уже скрылся за деревьями позади орущего йенлина. Там он сначала потоптался туда-сюда, отчего к его синим чешуйчатым лапам прилипла земля с сосновыми иголками, потом остановился на одном месте и начал рыть.

– Здесь что-то закопали, – коротко пояснил он.

Когда к нему подошел Флейн, он уже закончил раскопки и чистил свои длинные маховые перья, маслянисто-черные в пятнистом лесном свете. На земле перед ним лежала голова взрослого человека, мужчины. Кожа на ней была землисто-желтой, а в черных волосах, которые росли у него на макушке и на нижней половине лица, застряли комья грязи.

– Он что, умер?

– Люди обычно не расстаются с головой, Флейн. – Твор насмешливо щелкнул клювом. – А у этого голова отдельно, а тело – отдельно: вот, смотри, лежит.

Флейн подошел ближе и тоже встал над мертвым. Земля вокруг него покраснела от крови. Пахло, разумеется, мертвечиной, но и чем-то еще. Чем-то неправильным.

– Это сделал кто-то из наших? – спросил Флейн.

На этот раз Твор не стал фыркать. Похоже, его тоже волновал этот вопрос.

– Судя по ранам, да. От наших когтей человеческие тела начинают гнить особенно быстро. Но судя по запаху...

– Судя по запаху, не мы. Если бы это были мы, то разве он остался бы целым? Мы бы его съели, и все.

Наклонив голову, Флейн разорвал нижнюю часть тела мертвеца, погрузил клюв во внутренности и пригнулся.

Позади них йенлин уже не орал, а только тихо икал от усталости. Витающий в воздухе пряный, густой аромат человеческой крови, как обычно, будил в грифоне голод, но другой запах, какой-то холодный, неправильный, мешал приняться за еду.

Флейн поднял голову и пощелкал клювом, пытаясь определить, откуда идет этот дух, но ответ оставался где-то за пределами досягаемости. Почему-то ему вспомнился Костопад – высокая уединенная скала, куда уходят грифоны, когда наступает их последняя боль. Флейну стало жутко.

– Не нравится мне это, – сказал он. – Ядом не пахнет, но, по-моему, нам все же не стоит его есть.

Т'вор раздраженно встряхнул шерстью и перьями, отчего капли сверкающим каскадом забарабанили по листьям.

– Отлично. Поверю тебе на слово, форвин.

Флейн удивленно поднял голову. Обычно Т'вор называл его «возлюбленным мудрецом» в шутку, но сейчас в этом обращении не было и следа нежного поддразнивания. Значит, странный вид человеческого трупа подействовал и на него.

– Мы найдем другую дичь, Т'вор.

– Или съедим йенлина. Хотя лучше отнести его Т'руук.

Т'вор отвернулся и направился к поляне, где опустил свой мощный клюв к крошечному тельцу, корчившемуся на земле.

– Подожди.

– Что еще?

– Я думаю, йенлина тоже не стоит есть. – Флейн тоже подошел и встал над детенышем, уже чувствуя себя глупо. – Давай лучше возьмем его с собой, позволим ему немного подрасти и посмотрим, что из этого получится. Что бы ни убило этого человека, я чувствую, что оно представляет опасность и для нас.

Долгое мгновение Т'вор молчал, в замешательстве шуря огромные желтые глаза.

– Ты хочешь сказать, что мы должны... вырастить его? В своем собственном гнезде?

– Послушай, мы ведь уже не раз поступали так, как подсказывало мое чутье, и еще ни разу не пожалели об этом, правда? Надо сначала узнать, что здесь случилось. И вообще, это же йенлин. – Флейн отвернулся, прекрасно понимая, что приведенный довод ничтожен. – Каждый йенлин – общая ответственность.

– Да что ты несешь! Это же человеческий йенлин! У него даже перьев нет! Просто мясной ошметок, прилипший к земле. Он не достоин марасть наше гнездо, разве только в качестве еды для Т'руук. Рано я назвал тебя форвином – ты не хуже меня знаешь, что мы, грифоны, почти не помним себя йенлинами, куда уж там людям с их крошечными мягкими мозгами! Эта штука вырастет и станет доставлять все больше хлопот, но мы никогда не узнаем от нее ничего нового.

Т'вор уже готов был с отвращением отвернуться, когда Флейн боднул его головой в плечо.

– А по-моему, ты ошибаешься. Ну что, будем стоять здесь и спорить до заката или сразу перейдем к тому моменту, когда ты, как всегда, позволишь мне поступить по-своему? У меня есть предчувствие насчет этого йенлина, Т'вор. И очень сильное. Клянусь своими костями.

– Хм. – Т'вор снова встряхнулся.

Кости – дело серьезное, ни один грифон не станет клясться ими всеу. И Т'вор уступил.

– Что ж, ладно. Но кормить его будешь ты. И объяснять королеве, почему кусок живой еды ползает у нас в гнезде, хотя это негигиенично, будешь тоже ты.

* * *

Они летели обратно. Сверток заливался плачем, бережно зажатый в мощных когтях Т'вора.

Флейн заметил небольшое стадо горных коз, которые осторожно взбирались по отвесному склону Серебряной Смерти. Он подождал, когда животные достигнут вершины, подлетел и, схватив пару, быстро и умело свернул им шеи. Надо же и поужинать чем-то, а этого мяса им хватит на вечер.

Вершина, известная как пик Серебряной Смерти, входила в гряду туманных гор, к северу от которых лежала Эльвиния – страна грифонов, а к югу в многочисленных поселениях обитали хищные твари – люди. Эльвиния являлась для них запретной землей; любого, кто по злому умыслу или просто по глупости вторгался туда, грифоны убивали на месте, а их головы разбрасывали по южным предгорьям в качестве предупреждения другим нарушителям. Но люди,

похоже, были глупы и не умели учиться на чужом примере, так что в южных предгорьях скопилось множество черепов, выбеленных морозами и выжаренных солнцем.

А уж чтобы грифон принес с гор живого человека, пусть и маленького, было неслыханно, так что Флейн мог лишь гадать, как отнесутся к этому кланы. Наверняка найдутся те, кто потребует немедленно убить эту тварь, будь она хоть трижды йенлином; если им совсем не повезет и кто-нибудь заикнется о том, что это тяжкое оскорбление самому Великому Твинуловкачу, за которое тот может наслать проклятие на все кланы, то их выгонят из гнезда, всех троих, вместе с Т'руук, которая еще слишком юна даже для того, чтобы учиться летать.

– Королеве незачем возиться с нашим изгнанием, – сказал Т'вор, как будто читая мысли Флейна. – Она просто порвет нам глотки, и дело с концом.

– Вряд ли, – ответил Флейн.

Королева Феллвин тоже принадлежала к клану львиного когтя, как и он сам, и он надеялся, что она прислушается к соплеменнику.

– Т'вор, это существо связано с нами нитями судьбы. А может, и со всеми грифонами тоже.

– Чепуха. Вот еще, ведун-провидец нашелся.

– Я это нутром чую.

Т'вор горланно рыкнул, и остаток пути они летели в молчании, причем Т'вор продолжал бережно сжимать в когтях крикливый сверток.

Когда они добрались до гнезда, Т'руук подняла голову и пронзительно крикнула, встречая их. Ее перья еще покрывал липкий пух, а глаза были наполовину затянуты пленкой.

– Она еще маленькая и ничего не понимает, – сказал Т'вор. Его резкий голос звучал мягче, чем обычно. – Так что не обижайся, Флейн, если она все равно съест эту штуку, судьба там или не судьба.

– Возможно, ты прав, – согласился Флейн. – Если это случится, то можешь назвать меня глупцом, который не прав с самого начала.

Т'вор опустил человеческого детеныша на подстилку в гнезде рядом с Т'руук. Та поняла его, а затем потянула за тряпку, в которую он был замотан, словно недоумевая, что это за штука такая перед ней. Потом она сложила крылья – еще костлявые, мятые – и свернулась калачиком рядом с извивающимся свертком. Человеческий йенлин протянул одну голую лапку, которую ухитрился выпростать из свертка еще во время полета, и коснулся ею пуха на голове Т'руук. И вдруг, впервые за долгое время, притих и закрыл маленькие глазки.

– Ну и ну, – сказал Флейн. – Ты только погляди на них, а?

1

Шестнадцать лет спустя

В таверне было многолюдно, но Левен пронзала толпу легко, как нож масло. У стойки ее уже ждала пенная кружка лучшего эля, который только подавали в «Губе».

– Пока я жив, ни один герольд не будет платить здесь за выпивку. – Глаза хозяина таверны бегали, словно от смущения, – видать, стеснялся своих эмоций.

В зале многие энергично закивали, вторя его словам, и пронесся шепот, что в таверну вошла герольд.

Невысокая женщина справа от Левен положила руку на ее обнаженное предплечье, исчерченное замысловатыми узорами серебристо-голубых рудных линий.

– Ты – гордость Звездной империи, – заговорила женщина. – Когда допьешь эту кружку, девочка, подойди и скажи мне. Сегодня вечером у тебя не будет недостатка в спиртном.

– Да благословят вас звезды. – Левен ухмыльнулась, взяла кружку и кивнула хозяину. – Еще по одной, будь любезен!

Она направилась обратно к столу у входа, а толпа следила за каждым ее шагом. Место у входа выбрал Форо; там были окна, и открытые деревянные ставни позволяли наслаждаться захватывающим видом. «Губа», как и следовало из названия таверны, стояла на самом краю огромного кратера, на склонах которого раскинулся город Стратум, так что гости могли любоваться живописным пейзажем, залитым золотым светом солнца.

Но Левен только мельком взглянула в окно, пока ставила на исцарапанный стол кружки с пивом. Глубоко внизу сверкало озеро, синее, как само небо, и по нему скользили лодки с белыми парусами, крошечными, словно полумесяцы ногтей.

– А ведь нам говорили правду, Форо, – сказала она, садясь. – Нам никогда больше не придется искать по карманам пару монет, если вдруг захочется выпить. Стоит только показать людям рудные линии, и они из кожи вон лезут, чтобы тебя угостить. Думаю, они расщедрились бы и на ужин, если бы мы захотели.

Форо не выставлял свои линии на всеобщее обозрение. Наоборот, несмотря на дневную жару, он надел толстый плащ с капюшоном, а мускулистые руки прикрыл длинными рукавами. Даже синие круги титановой руды на кистях скрывали перчатки без пальцев. Форо мрачно взглянул на кружку с элем и отвел взгляд.

– Угу.

– Война закончилась, и мы роскошествуем почему зря. – Левен хлебнула эля. – Чтоб вас всех, отличная штука. Помнишь, какое пойло мы дули во время кампании? Но все, хватит с нас тех помоев, которые неосвященные зовут «вином», и того свиного пойла, которое Найнс цедил через портянку, помнишь? Сколько раз у меня самой едва не отнимались ноги, когда, бывало, хлебаешь его всю ночь!

Форо расправил плечи и, взяв свою кружку, повертел ее в руках. Левен спиной чувствовала устремленные на них взгляды гостей и особенно той женщины, которая предложила ей выпивку за свой счет. Прошло почти три месяца с тех пор, как она в составе отряда герольдов вернулась в столицу империи, но к новой жизни пока еще не привыкла.

– Ты давно видела Найнса? – спросил вдруг Форо.

Левен покачала головой:

– Он говорил, что хочет жениться, купить землю и остепениться. Последнее, что я слышала о нем, это что он бодро ищет себе жену по здешним тавернам. А ты? Видел его?

Форо не ответил. Он глотнул эля, и капюшон его плаща слегка откинулся, открыв обветренное, исполосованное линиями лицо. К удивлению Левен, ее старый приятель выглядел

неважно: щеки у него ввалились, под глазами залегли темные круги, похожие на синяки. Он поставил кружку на стол, и она заметила, что у него подрагивают пальцы.

– Ты помнишь, что нам обещали, Левен? Славу, золото, наши имена, написанные на звездах. За каждый неосвященный народ, приведенный нами в теплое лоно империи, наши имена будут жить в веках. Помнишь такое?

– Еще бы.

Сказанные вслух, обещания прозвучали слегка нелепо, но именно это герольды постоянно слышали до и во время кампании.

– Вот именно. Наши имена будут жить в веках. Какие имена? Я даже не знаю, как меня зовут по-настоящему. И ты тоже не знаешь.

– Форо...

– Об этом я и говорю: у нас есть номера, их я помню. Но как тебя зовут на самом деле, Левен?

– Это что, шутка?

Он подался вперед и впервые посмотрел на нее в упор. Взгляд у него оказался затравленный.

– Шутка. Может, в этом-то все и дело.

– Ладно. – Левен понизила голос, не желая, чтобы посетители таверны стали свидетелями их ссоры. – Что случилось? Я неделями не получала от тебя вестей, потом ты пригласил меня выпить, а теперь начинаешь. Что стряслось? Что-то серьезное?

Он отвернулся, положил ладони на стол. «Не хочет, чтобы я заметила, как у него дрожат пальцы», – поняла Левен.

– Я вижу... сны. Правда, среди бела дня. Я вижу места, в которых никогда не бывал. Людей, которых никогда не встречал.

– Просто ты привыкаешь к новой жизни, Форо, вот и все. Все-таки... восемь лет войны за плечами. Это тебе не олень чихнул. – Она напряженно хохотнула. – Неудивительно, что тебе снятся плохие сны.

Форо долго молчал. В таверне было шумно – посетители громко разговаривали, смеялись, некоторые даже пели, а в распахнутые окна вливался, давя на уши, неумолчный приглушенный гул Стратума.

– Это не сны, Левен. Мне кажется, это воспоминания. Обрывки моей жизни до того, как ее отняли у меня рудные линии. Меня каждый раз словно бросает куда-то. Случаются и провалы в памяти, а когда я возвращаюсь в реальность, то не знаю, кто я и где.

Форо снова посмотрел на нее в упор, и Левен даже отшатнулась, напуганная его остекленевшим взглядом и страхом в глазах.

– Мы много чего повидали во время кампании, – продолжал он, – но мне еще никогда не было так страшно, как сейчас. Я больше не знаю, кто я. Мой мир рухнул.

– У тебя что, жар? Наверное, подцепил у неосвященных какую-нибудь заразу. Одни звезды знают, что там у них водится. К целителям ходил?

Но Форо покачал головой:

– Помнишь наш последний бой в Ламабете, там, где Зеленая река вытекает из гор? Что мы там делали?

– Хватит, не надо об этом, – перебила его Левен.

Она одним глотком осушила свою кружку и оглянулась на стойку. Ей захотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

– Хватит. Давай пить, пока ноги держат, а когда перестанут, скатимся вниз по склону в таверну поживее этой. Вот чем мы должны заниматься сейчас, а не перебирать былые подвиги, как древние старики на завалинке.

– Подвиги, говоришь? – Форо покачал головой. – Значит, ты забыла Зеленую реку.

– Ничего я не забыла!

Просто не хотела вспоминать. Разбитая армия неосвященного Ламабета отступала, спасаясь бегством с места своего последнего столкновения с силами империи, уходила на север, где, похоже, надеялась обрести укрытие. Среди отступающих было много раненых, в том числе тяжелых, – их несли на себе товарищи; но и боеспособных солдат и офицеров осталось немало – во всяком случае, так сказала им Босс, – так что за ними стоило проследить. День выдался холодный, шел дождь, и река стремительно несла свои воды, чей сильный минеральный запах витал буквально повсюду, так что у Левен порой перехватывало дыхание. Герольды терпеливо, даже с ленцой, посматривали на копошащегося внизу разбитого врага со своего наблюдательного пункта на скалах, нависших над рекой. Левен вспомнила, что стальные шлемы врагов заблестели, как новенькие монеты, когда дождь смыл с них пыль и кровь.

– Еще бы ты забыла, – сказал Форо. – Это же была настоящая бойня.

Левен покачала головой. Захотелось еще выпить, только чего-нибудь покрепче. Хотя в окна таверны лился яркий солнечный свет их полуденной империи, ей вдруг стало холодно. Как будто холод Зеленой реки настиг их здесь, вызванный из небытия воспоминанием.

– Выпей чего-нибудь и взбодрись уже, а, пес тебя задери!

Босс командовала им построение, и они встали вдоль края обрыва, как статуи на краю крыши. Их заметили: снизу понеслись слова команды, но голоса командиров походили на крики испуганных птиц. В рядах герольдов раздались смешки – конец войны был уже близок, все казалось таким легким, – но Левен вдруг ощутила неприятное стеснение в животе. Враг отступал, израненный и обессиленный. Для армии империи он больше не представлял угрозы. Но когда Босс отдала приказ, Левен, как и все остальные, шагнула с обрыва в зияющую пустоту и с радостным, как всегда, криком развернула крылья. Они раскрылись у нее за плечами, как два огромных осколка смертоносного синего стекла, и она устремилась вниз, целясь в людей внизу, которые в панике уже бежали в разные стороны. И если у нее и были какие-то сожаления, когда она сразила первого, кто попался ей под руку, то сейчас она ни о чем подобном не помнила. На поле боя нет места сомнениям и жалости; там нужно выживать, проливая чужую кровь и наслаждаясь титанической силой, которую дала тебе магия.

– Половина из них тогда утонула, – тихо сказал Форо, как будто ясно видел жуткие образы, проносящиеся в эту минуту в памяти Левен. – Мы несколько месяцев охотились на них по всей стране – их собственной стране, – и они так боялись нас, что многие прыгнули в реку, хотя та вздулась от дождей, а на них были тяжелые доспехи. Нам почти ничего не пришлось делать.

– Да, я тоже там была. Я помню, как вытаскивала тела из воды. – Левен вздохнула и быстро провела рукой по кудрявым волосам, отчего те встали дыбом. – Только при чем тут они, Форо? При чем тут твои... сны?

– Я всегда считал, что служба герольда – это мой шанс начать новую жизнь, даже если я забыл, почему отказался от старой. Но теперь... Я вспоминаю, что мы творили в Ламабете, и... задумываюсь: а что это была за жизнь – та, которую я бросил? Вдруг это не сны, а части того, кем я был раньше, возвращаются ко мне? Что, если я всегда был мясником, Левен? Что, если я всю жизнь только и делал, что проливал чужую кровь?

– Форо, прошлое прошло, – затараторила Левен. – Что сделано, того не воротить. Мы – защитники империи. Вот что главное.

Она почувствовала раздражение на Форо. Его мрачное настроение отравило ей радость встречи.

– Слушай, а вдруг твои воспоминания пойдут тебе на пользу, а? – Она попыталась обратиться к его словам в шутку. – Вдруг ты вспомнишь, что ты принц какой-нибудь новой освященной страны, которого давно считали погибшим на родине, и тебе причитается огромное наследство? Как тебе такой вариант?

– Не смешно, Левен. Люди, которые добровольно дают стереть себе память, обычно бегут не от богатства и счастья.

Форо покачал головой. Облако закрыло солнце, и свет, падавший из окна на лицо Форо, померк.

– Я помню только боль, Левен. Стыд, насилие и страшные ошибки. Как жить, когда узнаешь, кем ты был раньше, и от этого становится тошно?

– Глупости. Ты придумал себе, что твои сны – это ты в прошлом, и теперь отравляешь себе жизнь своими фантазиями. Хочешь, я отведу тебя к целителю? У тебя лихорадка, вот и все.

Но Форо лишь покачал головой. Вид у него был не столько сердитый, сколько озадаченный.

– Я человек без имени, вся жизнь которого пропитана жестокостью и кровью, Левен. И так больше продолжаться не может.

Левен попыталась вспомнить, кого из герольдов видела в последнее время. За месяцы, прошедшие после их увольнения из армии, из Стратума уехали почти все. В основном на юг, на плодородные земли: многие хотели купить там участок и начать новую жизнь. Некоторые, вроде них с Форо, остались в городе, где радовались, что вокруг столько людей и их не надо убивать. Оставшиеся поддерживали связи, по крайней мере поначалу, но Левен вдруг сообразила, что уже давно не видела никого из них. Поэтому и обрадовалась, когда Форо вдруг предложил ей встретиться – без братьев по оружию она уже начинала ощущать одиночество и тревогу.

– Тебе не кажется странным, что нас вообще отпустили? – спросил Форо.

– В каком смысле?

– Мы же могучее оружие империи. – Форо кисло улыбнулся. – Мы поднесли им неосвященные земли на блюдечке с голубой каемочкой, а нам позволили просто уйти и поселиться там, где мы хотим? Больше никаких сражений за императрицу – только уютная пенсия.

– Мы отслужили свое, Форо. – Левен посмотрела на линии руды на своем предплечье. – Таково было условие. Они просто сдержали свое слово, вот и все. И они всегда могут наделать еще таких, как мы.

– Значит, империя добровольно рассталась со своим самым острым оружием, чтобы просто сдержать слово? Несмотря на то, что руда титанов, которая дает нам силу, такая редкая и ценная? По-твоему, это похоже на империю?

Левен вздохнула:

– Империя – это мы, Форо. Немногие избранные, несущие свет звезд в неосвященные земли.

Форо фыркнул:

– Звездные задницы, ты говоришь как Босс.

Левен нахмурилась. К своему ужасу, она поняла, что злится на Форо. Зачем все подвергать сомнению? Разве недостаточно просто брать то, что тебе дают, и быть благодарным за это? Задавать сложные вопросы – только создавать проблемы. Она подняла руки, признавая свое поражение.

– Форо, я не знаю, понимаешь? Я всего лишь солдат. И просто иду туда, куда мне говорят, и делаю, что мне велят, – точнее, раньше шла и делала. Теперь нам больше не надо думать об империи и об ее славе, если мы этого не хотим.

– Подруга. – Форо наклонился и на мгновение сжал ее плечо. – Хочешь – верь, не хочешь – не верь, но я позвал тебя сюда не затем, чтобы жаловаться. Я хотел предупредить тебя, чтобы ты была осторожна...

Тут между окном и их столом возник кто-то такой огромный, что загородил им весь свет. Левен вскинула глаза, раздраженная тем, что их прервали, и увидела здорового мужчину,

который, широко улыбаясь, глядел на них сверху вниз. Он был похож на воина с юга: голая грудь, предплечья все в шрамах, длинные желтые волосы заплетены в косички. Увидев, что его заметили, он осклабился еще больше, обнажив зубы, подпиленные в форме клыков. Только тут Левен заметила рядом с незнакомцем кучку людей обычного роста – лица их выдавали разную степень волнения.

– Маленькая женщина, – заговорил незнакомец. Судя по акценту, он оказался даже из еще более южных мест, чем предположила Левен. – Мои друзья, они говорят мне, что ты сильная. Что ты победишь меня в борьбе на руках. Я многое видать, маленькая женщина, но такое странное никогда. Поэтому я хочу это видать.

– Она же герольд, имей уважение! – раздался вдруг женский голос.

Левен не видела ту, кому он принадлежит, но поняла: женщина волнуется, тем более что за этим выкриком последовало неразборчивое сердитое бормотание.

– Все в порядке! – Левен подняла руку.

Форо склонился над своим напитком.

– Ты что, хочешь драться со мной, друг? – спросила она.

Воин, похоже, пришел в восторг от такого ответа. Он отбросил косы за плечи, выпятил мускулистую грудь и величественно указал на Левен:

– Но ты маленькая женщина. Мне говорят, что глупые татуировки делать тебя очень сильной. Это не может быть.

Левен не обиделась. Южанин был по меньшей мере на голову выше ее; она – маленькая, стройная, точнее даже худощавая. Шрамы у нее, конечно, тоже есть, хотя и не так много, как у этого громилы, но у кого из солдат империи их нет? И даже что-то похожее на мускулатуру у нее найдется, особенно на руках, но, честно говоря, в армии империи встречаются повара с бицепсами покрупче, чем у нее. В общем, с какой стороны ни глянь, ничего особенного Левен собой не представляла. И все же она встала, отодвинув свой стул.

– Друг, я могу победить тебя не только в поединке на руках. Я могу поднять тебя и вышвырнуть из этого окна прямо на улицу.

Но Левен не стала громить заведение, а только подняла мужчину двумя руками – тот вытаращил глаза от удивления – и, держа здоровяка над головой, сделала пару кругов по «Губе». Толпа радостно завопила и захлопала, а когда все стихло и Левен посадила воина на табурет, благодарные граждане империи потянулись к бару, чтобы купить ей еще выпивки. Скоро на барной стойке выстроилась целая шеренга кружек, стаканов и стаканчиков с вином, пивом и даже каким-то зеленым напитком, судя по запаху довольно крепким, которого Левен никогда прежде не видела. Она постояла, ошеломленно разглядывая дары, а воин-южанин заказал тем временем еще. Выпив, он повернулся к ней, и его рожа стала еще краснее, чем раньше.

– Ты показала мне то, что не может быть, маленькая женщина. Для меня большая честь, если ты покажешь мне больше.

– Может, хватит уже впечатлений для одного дня, а, большой мужчина? А то как бы тебе плохо не стало.

Левен глянула на стол, за которым она оставила Форо. Его место пустовало. Она взяла со стойки один стаканчик и опрокинула в себя.

– Допей остальные за мое здоровье, ладно? Мне надо кое с кем встретиться.

2

– Спасибо, что сразу согласились встретиться со мной, сэра.

– Все что угодно для наших храбрых герольдов. Вы принесли нам такую победу, Освящающая Илевен, – благодаря вам неосвященные земли теперь наши. По крайней мере, самые важные из них, и я уверена, что, когда империя изменит жизни тысяч людей за морем, даже варвары Бретлени в конце концов проникнутся к нам теплотой.

Император Юстиния была пожилой загорелой женщиной с темными глазами, подведенными черным, и так густо намаасленными волосами, что они лежали локонами цвета старого, потускневшего золота. Улыбку, которой она одарила Левен, вполне можно было считать теплой, но свитки пергамента на ее столе и посланник, который маячил за ее спиной, невольно наводили на мысль, что герольд выбрала не самое подходящее время для визита к своим прежним работодателям. Посланник был высоким красивым мужчиной с золотисто-смуглой кожей. Аккуратная борода обрамляла строгую складку его рта. Он был весь в темном, свободная одежда полностью скрывала его фигуру, на шее красовался черный шарф, сколотый массивной серебряной булавкой в форме кометы с изумрудом – единственное указание на его должность. Посланник – его лицо с первого взгляда показалось Левен знакомым, хотя она не могла вспомнить, где видела его раньше, – все время ее разговора с императором держал руки за спиной и не сводил глаз с Левен.

– Я насчет Форона. – Увидев недоуменное лицо императора, она пояснила: – Освящающий Форти, сэра. Он неважно себя чувствует. Мне кажется, ему нужна помощь.

– Ах вот оно что. – Император Юстиния взглянула на лежащие перед ней записи так, словно надеялась найти там объяснение. – Так он... э-э... неважно себя чувствует?

– Да, сэра. Видите ли, теперь, когда мы официально уволены, у нас нет доступа к армейским целителям...

– Вам разве не выплатили премию за победу? – перебила ее Юстиния. Она взяла со стола лист пергамента и кивнула на него с легкой улыбкой. – Нет, выплатили, вот документ. И это были немалые деньги, должна сказать.

– Да, нам заплатили, сэра, но меня беспокоит, что...

– Разве в Стратуме не осталось целителей? – Юстиния полуобернулась к посланнику, и тот кивнул. – Их множество, и все они, я полагаю, не самые плохие. Где находятся лучшие целители Стратума, посланник Каэто?

– На улице Костоправов, – мгновенно ответил тот ровным и тихим голосом. – Конечно, существуют целители и более талантливые, но если нужен опытный практик, то я советовал бы обращаться именно туда, герольд.

– Ну вот, – радостно заключила Юстиния. – Я рада, что мы смогли помочь тебе, Освящающая Илевен.

– Простите меня, император, но, кажется, вы не совсем поняли...

Левен кашлянула и, собираясь с духом, оглядела комнату. Та походила на маленькую позолоченную шкатулку со стенками из лакированного дерева. По узкому каналу в полу постоянно струилась ароматизированная вода, обтекающая все здания императорского дворца. Да, если все время жить здесь, то любые заботы солдат, которые засыпают от усталости, не вычистив даже засохшую кровь из-под ногтей, рано или поздно покажутся далекими и несущественными.

– Я не знаю, чем болен Форона, но он считает, это все потому, что он – герольд, и... В общем, целитель с улицы Костоправов вряд ли ему поможет.

На лице Юстинии мелькнуло раздражение. Посланник Каэто не моргнул и глазом.

– Что именно с ним не так? – спросила Юстиния.

Левен переступила с ноги на ногу. Ей даже не предложили сесть.

– У него... он называет это снами наяву.

Посланник Каэто не двинул ни одним мускулом, но Левен вдруг показалось, что все его внимание разом сосредоточилось на ней одной. Да, зря она, наверное, явилась со своими проблемами прямо к императору.

– В общем, если это и болезнь, то какая-то странная. Вы же знаете, кто мы такие, я имею в виду, кто такие герольды. Нас нелегко сломить. Я видела, как Форо сражался день и ночь, без еды и без отдыха, и хоть бы что. А теперь он словно состарился сразу лет на десять. Вы можете чем-то помочь ему, сэр? Возможно, вы разрешите ему поговорить с Гинид Тайли? Сэр.

На мгновение воцарилась тишина, наполненная тихим журчанием ручейка на полу.

– Нет, о том, чтобы ему обращаться к главному костоправу империи, и речи быть не может, – в конце концов сказала император Юстиния. – Но ты права в одном. Императрица ценит каждого, кто сражается за Освященную империю, и особенно – наших герольдов, поцелованных звездами. – Она произнесла это так спокойно и ровно, словно говорила уже не впервые. – Поэтому мы отправим к твоему другу Форо других искусных целителей, и он получит помощь самого высокого качества. Ты можешь быть уверена в этом, Освящающая Илевен.

– Благодарю вас, сэр.

– Можешь идти.

Левен быстро поклонилась и повернулась к ним спиной, радуясь возможности покинуть комнату-шкатулку. Уходя, она чувствовала, как взоры императора и посланника сверлят ей затылок.

* * *

Глядя Левен вслед, посланник Каэто мысленно наказал себе еще раз просмотреть ее документы. Досье каждого герольда носило пометку «необычная личность» – еще бы, ведь это были люди, которые не знали ничего, кроме войны, – но даже среди них вряд ли найдется много таких, кто решится прийти в кабинет к действующему императору и заявить ей прямо в лицо, что она чего-то не понимает. А эта Левен была к тому же самой молодой из герольдов и не особенно внушительной – ни ростом не вышла, ни статью. На войне она стриглась коротко, но после демобилизации отпустила волосы, и теперь непокорные темно-каштановые кудри обрамляли ее лицо. У нее были ясные серые глаза, серебристо-голубые узоры рудных линий контрастировали с теплым тоном загорелой кожи, а в очертаниях упрямого подбородка проглядывало что-то до странности знакомое... Да, надо еще раз перелистать ее досье.

Император Юстиния шумно выдохнула:

– Ох уж эта солдатня – вечный геморрой.

– Да, император.

– И у нее еще хватило наглости заявить мне: «Вы ведь знаете, кто мы!»! Еще бы мне не знать, кто вы – сборище воров и убийц, отребье, которому наша милосердная императрица подарила второй шанс!

– Не все они были убийцами, император.

– Были не все, теперь стали все. Разве не так? – И Юстиния так ткнула пальцем в листы пергамента на своем столе, точно они нанесли ей личное оскорбление. – Какие новости по другому нашему вопросу, посланник?

Он слегка наклонил голову и шагнул к столу.

– Насколько я понимаю, это опасное задание, которое не терпит спешки...

Юстиния фыркнула:

– Все должно проводиться в строжайшей тайне, а это значит, что на каждом корабле должны присутствовать наши люди, портовых служащих придется подкупить, чтобы они не

слишком внимательно досматривали наш груз, пока его будут перекладывать в фургоны, которым предстоит проделать долгий путь по опасной местности. Даже в том случае, если удастся нанять и подкупить всех, риск все равно остается. Поэтому, – он сделал паузу, не зная, как будет воспринята следующая информация, – боюсь, мы должны либо сократить число вовлеченных в это дело людей, либо повысить суммы подкупа. Невозможно предсказать уровень возмущения, если хотя бы часть нашей затеи выплывет наружу.

– Конечно, – с горечью ответила Юстиния. – О титанах никто ничего не должен знать.

– Это неудобно для дела, однако всегда надо помнить о том, сколько культур и народов охватывает империя, – сказал Каэто. Он не удержался от соблазна напомнить об этом, хотя и деликатно. – Титанов считают священными существами по всей Эноне, император. Даже здесь, в Стратуме, о них думают как о благотворителях – именно они подарили нам историю, предания, первые искры алхимии. Они дали нам язык. Они – боги, которые жили среди нас.

– Да, да, конечно. Я все помню.

Пальцы Юстинии нырнули в золотую вазочку с сухофруктами, стоявшую перед ней на столе, и начали перебирать темные засахаренные кусочки, выискивая среди них сушеное сладкое яблоко. Каэто знал, что это любимое лакомство Юстинии, поскольку знать такие вещи входило в его обязанности – вдруг ему когда-нибудь придется отравить императора.

– Давай вернемся к Форо. Я полагаю, ты знаешь, где его найти?

– Да, император.

– Тогда займись им.

– Не пристало мне подвергать сомнению ваши приказы...

Юстиния рассмеялась. Она нашла кусочек сладкого яблока, кинула его в рот и некоторое время с удовольствием жевала.

– А что, собственно, пристало посланнику? Как знать? – Она пренебрежительно махнула рукой. – Продолжай. Говори, что ты хочешь сказать, Каэто. Я же знаю, что ты все равно это скажешь.

– С герольдами нужно действовать осторожно.

Он сделал паузу, позволив сказанному на мгновение повиснуть в воздухе. Он знал, что у Юстинии свое мнение о них; из темного угла внутреннего балкона он наблюдал ее разговор с императрицей и помнил, каким злым и замкнутым было тогда ее лицо.

– Императрица понимает, что они герои для народа империи. Их чествуют все, кого уже освятил ее звездный свет.

– А я, значит, не понимаю. Ты это хочешь сказать?

– Я лишь хочу напомнить вам о деликатности существующей ситуации. Соглашение было... – Он сделал паузу, подбирая слова. – Было решено, что одновременная смерть всех герольдов вызовет слишком много подозрений и вопросов. Поэтому следует соблюдать осторожность.

– Селестиния уже много лет не покидает своего дворца. Она забыла, каковы люди, Каэто. – Юстиния подняла на него сияющие темные глаза. – Люди забудут про освящающих герольдов, как только случится другая война или свадьба, которая их отвлечет, а войн и свадеб, как правило, долго ждать не приходится. А пока мы отпустили этих опасных людей на свободу. И они унесли с собой секреты империи. Освящающий Форти считает, что его болезнь вызвана магией герольдов, и зашел так далеко, что заговорил об этом с другим герольдом. Он опасен для нас, Каэто. Кроме того, он все равно умирает. – Юстиния понизила голос. – Мы должны были решить эту проблему еще несколько месяцев назад, одним ударом, но тогда Селестиния и слышать об этом не хотела. Теперь нам придется разбираться с каждым поодиночке, отслеживая, когда им станет хуже. И кто теперь должен пачкать руки? Ты да я, Каэто.

«Твой-то руки останутся незапятнанными, – подумал Каэто, – как всегда».

– А что с Освящающей Илевен?

– Ничего. Она скоро все забудет, выйдет замуж за какого-нибудь молодого фермера – или заболеет и умрет, как ее друг. Я не так кровожадна, как ты думаешь, посланник. Пока эта малютка не доставляет нам неприятностей, пусть летит куда хочет.

* * *

Когда Юстиния отпустила Каэто, он оставил ее наедине с лакомством – пока не отравленным – и удалился к себе, в лабиринт помещений для служащих империи. Над обустройством своей служебной квартиры Каэто трудился не один год. Там всегда было тихо, поскольку квартира располагалась вдали от главных кабинетов власти; просторно, так что хватало места для картотеки, которую он вел, пользуясь придуманным им самим вариантом посольского шифра; а главное, рукой подать до башни Голоса, что позволяло ему быть в курсе всех входящих и исходящих сообщений.

Белиза, его помощница, встретила его в дверях, приподняв брови.

– Какие новости, шеф?

– Почти никаких. Император – дура; проблема с герольдами никуда не делась; мой день пошел насмарку. А у тебя что?

– Тоже ничего, шеф.

Каэто остановился и внимательно взглянул на девочку. Он подобрал ее на улице. Ей тогда было одиннадцать – остроглазой и дерзкой, как помойная крыса, бродяжке. Он заговорил с ней и понял, что мозгов у нее куда больше, чем обычно бывает у беспризорников, но все же не так много, чтобы не совать свою вороватую лапку в карман посланника, направляющегося по официальным делам империи. С тех пор прошло два года, и Каэто ни разу не пожалел о своем тогдашнем порыве: Белиза оказалась умна, преданна, изворотлива и совсем не боялась темных сторон его дела.

– Приготовь мой серый рабочий пояс, да поскорее. А это тебе, – он уронил в подставленные ладони девочки мешочек с конфетами. – Император не запирает свои сласти.

Сверкнув зубами, Белиза удалилась в комнатку, обычно стоявшую на запоре. Там всегда пахло химикатами. Зная, что скоро все необходимое будет готово, Каэто подошел к своему столу, отпер нижнее потайное отделение и вынул оттуда тонкую кожаную папку. Папка была доверху заполнена листами пергамента. Одни уже пожелтели от старости, другие были еще совсем свежими, как будто только что вышли из-под его пера. Каэто отобрал несколько листков и разложил их на столе.

Освящающей Илевен наверняка было бы очень интересно ознакомиться с информацией, которую он собрал на нее. Илевен заинтриговала его сразу, а эти тонкие листки пергамента хранили последние свидетельства той жизни, которую герольды вели прежде, чем Гинид Тайли начертила на их телах линии из руды титанов. Например, герольд, известный как Форо, был когда-то надсмотрщиком в гладиаторском комплексе на неосвященном Кавказоре. В его обязанности входило забирать пленников, сражавшихся когда-то против армии его страны, и превращать их в бойцов, способных драться на арене ради потехи аристократии Кавказора, – восхитительный пример иронии, на которую так горазда злодейка-судьба. По слухам, в той жизни Форо был настоящим зверем, и пленники, попадавшие к нему на тренировки, чаще погибали, избитые до смерти, истощенные голодом или растерзанные дикими животными, чем добирались до арены. Позже, когда на Кавказор напала империя, Форо вступил в местное ополчение и некоторое время сражался против захватчиков, прославившись как один из самых беспощадных офицеров. Но даже преданность своей стране не помешала ему встать в ряды герольдов, когда он оказался перед выбором – умереть со своими или выжить, встав на сторону чужих. Ценой выбора для него стала лишь память. Человек, известный как Карлен Форгатерс, сделал

его не раздумывая, когда понял, что военная удача уже не на его стороне. Конечно, сейчас он ничего об этом не знает.

Хмурые размышления Каэто прервало появление Белизы, которая положила на стол пояс с инструментами. Челюсти девочки ритмично двигались – она жевала ириску из кулька с конфетами, который он ей дал.

– Спасибо, Белиза. Надеюсь, в мастерской ты не жевала? Ни еды, ни воды, и всегда в перчатках, помнишь?

Она закатила глаза, а затем кивнула на папку:

– А это что такое?

Мало кто осмелился бы спросить, что за документы лежат на столе главы службы шпионажа империи, но как раз поэтому он и держал при себе эту маленькую нахалку.

– Так, старые секреты.

– Значит, как обычно.

– Вот именно. – Каэто молча перебирал листы в кожаной папке.

Странно – он считал, что у него есть информация о прошлом каждого герольда, но, похоже, на Освящающую Илевен ничего не было. Он рассеянно поднял руку, отстегнул свою серебряную брошь и аккуратно положил ее на стол. Потом вытащил из воротника шарф и завязал его на затылке так, чтобы получился капюшон.

– Старые секреты – это кровь нашего темного шпионского мирка.

– Да, шеф.

По ее голосу он сразу понял, что мелкая нахалка с трудом подавляет желание снова закатить глаза.

– Я ухожу. – Встав, он убрал папку обратно в потайное отделение своего стола, захлопнул его и погрозил девочке пальцем. – И не съдай все конфеты зараз, живот заболит.

– Вот еще! Вам вызвать карету?

– Нет, я выйду через черный ход.

Он взял пояс и повязал вокруг талии, не забыв прикрыть его длинной темной рубашкой. Сквозь узкие окна Каэто видел, что солнце уже клонится к закату и Стратум медленно погружается во тьму, которую кое-где прорезает лишь слабый желтый свет масляных ламп.

– Когда я вернусь, мне понадобится твоя помощь. Подготовь мокрую комнату.

Она поморщилась, но, выходя за дверь, он заметил, что она кладет в рот еще одну ириску. Мало что могло испортить Белизе аппетит – она слишком долго голодала на улице, чтобы это случилось.

* * *

Каэто отсутствовал два часа. Форс снимал комнату в пансионе на Втором кольце. Это было хорошо обставленное помещение с большими красивыми окнами, распахнутыми навстречу душному вечеру, – для быстрого выстрела отравленной стрелой лучшего и желать нельзя.

Герольда надо убивать издали, так, чтобы он тебя не видел и не слышал. Этот секрет так и не разгадали армии неосвященных.

Вернувшись, Каэто вошел в комплекс управления империей через одну из неприметных задних дверей, где передал службе непримечательного вида дорожный сундук с трупом внутри и велел отправить к нему в комнаты. У этого входа была расположена шахта с системой блоков, предназначенных для быстрого перемещения тяжелых и громоздких предметов. Когда он поднялся к себе, Белиза уже возилась с тяжеленным мешком.

– Как будто нельзя было вывезти его из города, – ворчала она. – Бросить его где-нибудь в реку, и дело с концом. Нет, приволокли сюда.

Каэто снял капюшон и шагнул к очагу, где его уже ждал глиняный чайник со свежим чаем. Заваривать ему чай тоже входило в обязанности Белизы. Посланник налил себе большую чашку и, прежде чем сделать глоток, плеснул туда молока, чтобы не обжечься. Эх, медку бы еще...

– Этот конкретный труп – собственность империи, – пояснил Каэто. И продолжил, заметив, как Белиза вопросительно приподняла брови: – Когда мы создавали герольдов – я имею в виду, когда главный костоправ империи, эта жуткая баба, Тайли, делала герольдов, – они, по сути, передали свои тела и жизни империи. Из чего состоят их рудные линии, Белиза?

– Из переработанных костей титанов, – мгновенно ответила девочка. – Давно умерших.

– Верно. А сколько титанов еще осталось в мире?

– Только грифоны, – сказала девочка скучающим голосом. – На севере Бретлени. И еще гигантский медведь, который живет на юге. Но он всего один.

– Да, Друиданнон, и мы не знаем, сколько он еще проживет. – Каэто поставил чашку на стол. – Остальные расы титанов – виверны, великие кракены восточных морей, огромный бог-вепрь юга, великаны, единороги, жар-птицы – вымерли много сотен лет назад. Кости титанов – особенные. Они странные, волшебные. Куда тяжелее, чем кости любых других тварей.

– Я все это знаю, – возмутилась Белиза и снова заглянула в мешок. – Если вы хотите рассказать мне все это заново, то дайте я хотя бы в туалет сначала схожу.

– Ты все это знаешь, но, по-видимому, никогда об этом не задумывалась. Останки титанов невероятно древние и встречаются очень редко, поэтому империя тратит много средств на то, чтобы добыть столько костей для производства титановой руды, сколько потребует Тайли. Из-за этого руда титанов такая дорогая – как если бы их тела состояли из золота. Представь, что было бы, если бы твои кости были из золота.

– Я была бы очень тяжелой, – предположила Белиза.

Каэто сделал вид, что не слышал.

– Это еще не все. Никто из наших противников не знает, как Тайли получает руду из костей титанов. Но враги империи полагают, что смогут разгадать ее секреты, исследовав тело герольда. Они ошибаются, но это не значит, что мы должны дать им такую возможность.

– Что мешает герольдам продать себя какой-нибудь неосвященной стране теперь, когда мы их отпустили?

– По сути? Ничего, кроме верности империи и того незначительного факта, что примерно через восемь или девять лет магия, которую Тайли вживила им в кожу, начнет разрушаться, что приведет к путанице у них в мозгах. Они начнут вспоминать, кем были раньше, и две личности смешаются в сознании, что, в конечном счете, приведет к смерти.

– Ох.

– Император Юстиния предпочла бы, чтобы мы поступили со всеми герольдами так же, как с Форо, – убили их разом, избавив себя от риска потери технологий в случае предательства кого-нибудь из них, а потом вложились бы в следующее поколение герольдов. Но это слишком жестоко.

– Ага, и граждане империи не оценят, – добавила Белиза. – Они же народные защитники. Убить их все равно что убить детей императрицы, если бы они у нее были.

– Вот именно.

Белиза перестала тыкать в полотняный мешок носком ботинка и посмотрела на Каэто.

– Получается, мы сейчас будем вырезать рудные линии с тела этого типа? Это вообще возможно? Их можно использовать повторно?

Каэто вздохнул. Любит девочка корчить из себя дурочку, а сама одним вопросом попадает в самую суть.

– Нет. Мы разрежем его тело на куски и избавимся от них, как всегда, потому что вместе с человеком умирает и магия.

– Тогда в чем тут смысл?

– В том, дитя, что Освящающий Форти был солдатом империи, и если кто-то имеет право убить его и осквернить его тело, то лишь мы, а никак не наши враги. Он заслужил хотя бы это.

– А по-моему, это сомнительная благодарность за восемь лет сражений и убийств.

Каэто отвел глаза:

– Дело в том, Белиза, что секреты империи стоят дороже, чем жизнь любого из ее подданных, а наш долг – делать то, что нам приказывают.

Белизу как будто удовлетворил этот ответ. Каэто допил чай и поставил чашку на рабочий стол.

– Пилы для костей готовы?

3

Твин-ловкач сорвал луну с ночного неба и бросил ее в Последнее озеро, чтобы она стала яйцом. Из яйца вышел Фионовар Красный, а Эльвиния стала «местом, где вылупляется мудрость».

Отрывок из дальнейшей истории Эльвинии, начертанный на пике Серебряной Смерти неизвестным грифоном

– Ты выедаешь печенку, а это самое вкусное!

Инис впилась зубами в сырое мясо, решив отгрызть еще кусочек, а потом отдать остатки сестре, но печенка, хотя и мягкая, была такой упругой, что откусить от нее не получалось. Горячая, солоноватая кровь заполнила рот. Она сглотнула и все же отдала печенку Т`руук, которая выхватила ее из рук Инис одним резким движением клюва.

– Порежь мне, – попросила Инис, вытирая о траву красные руки. – Умираю с голоду.

Туша козла лежала рядом, а грудь и живот добычи были открыты голубому небу.

– Ладно, так уж и быть, нарежу потоньше, чтобы пролезло в твое крошечное человечесь горло.

Т`руук произнесла это с насмешкой, но через считанные секунды на колени Инис легли несколько длинных полосок фиолетовых потрохов, которые она с жадностью съела.

Они ели молча, в уютной тишине, а над их головами плыли белые облачка. На южной оконечности Эльвинии стоял один из первых по-настоящему теплых весенних дней. Мелкие речушки уже освободились ото льда, и ручьи со звоном бежали им навстречу по дну долины, словно прожилки на листьях; распускались первоцветы – белые, в желтую, розовую и оранжевую крапинку.

Инис съела печенку, а последний кусок припрятала в плоскую кожаную сумку у себя на поясе. Этой сумкой она особенно дорожила – все лето она осваивала человеческий навык добывания, дубления и шитья кожи, в результате чего сделала вот эту вещь.

Т`вор и Флейн поощряли ее интерес к ремеслам и обычаям людей, даже приносили в гнездо разные штуки, снятые с тел людей, которые забрались слишком далеко в Эльвинию. Инис возилась с кожей, и старшие грифоны стойчески сносили все неприятности, связанные с этим не самым приятным процессом, зато Т`руук все время жаловалась на вонь, на то, что хорошая пища тратится в никуда, и вообще все это противно, противно, противно! Успокоилась она, когда Инис подарила ей узкий кожаный ремешок, чтобы носить на лапе, – Т`руук была равнодушна к подаркам.

– Нам пора.

– Думаю, да. – Т`руук встала и расправила крылья, отгоняя мух от убитого козла.

Ее маховые перья, еще не до конца отросшие, были теплого коричневого цвета с маслянисто-черной каемкой по краю, а более мелкие пушистые перышки на груди и животе испещряли серые и кремовые крапинки. Золотистые глаза напоминали раннюю осеннюю листву, а лапы и когтистые пальцы на них покрывала жесткая голубоватая кожа.

– Я не хочу лететь под луной без надобности, – объяснила Т`руук.

– Трусиха.

– Пф-ф. Ты-то что знаешь о полетах в темноте, яйцо без перьев? При луне все долины внизу выглядят одинаково. Мы заблудимся.

– Будь у меня крылья, я бы только и делала, что летала, – с чувством произнесла Инис. – Я бы жила в небе. И никто бы меня оттуда не выгнал. Никогда.

– Тогда, возможно, это и к лучшему, что у тебя их нет, – сухо заметила Т`руук. – Никто не может жить в облаках.

Инис закатила глаза – это была любимая фразочка Т’вора и Флейна. Так они говорили, когда Инис и Т’руук целый день слонялись далеко от гнезда в поисках человеческих вещей, или пробовали комбинации разной пищи, или, хуже того, пытались делать еду горячей – идея, от которой старших грифонов начинало мутить.

– Ты и так больше болтаешь, чем летаешь, Т’руук. Давай уже двигаться.

Инис встала. Ей не терпелось вернуться в небо. Она шагнула к Т’руук, та наклонилась, чтобы девочка вскарабкалась ей на спину, и они взлетели в небесную синь, оставив позади тяжелую землю.

«Я бы жила здесь всегда, если бы могла», – подумала Инис.

Это была ее мечта, страстная, сокровенная, которой она согревалась, когда вокруг царили холод и темнота. Полет для нее воплощал свободу, о нем она мечтала всегда.

Весеннее солнышко уже не грело так, как внизу, и голые руки Инис покрылись гусиной кожей, но она не обращала внимания – этот холод и эта пронзительная тишина в ярком небе были главной радостью ее жизни. Впереди уже показался край земли с глубокой расщелиной за ним и старыми гнездами, врытыми глубоко в скалу.

– Эй!

Они были не одни в небе. Пара молодых грифонов, оба крупнее Т’руук, летели следом, громко и воинственно вопя. Инис почувствовала, как напряглась Т’руук.

– Не высовывайся, – прошипела она, и вся ее обычная насмешливость исчезла. – Может, они еще не заметили тебя.

Но Инис уже поняла – поздно. Один из их преследователей, грифон из львиного клана с перьями цвета крови, уже орал «яйцо» и «вонючка». Т’руук решила не обращать на них внимания и просто лететь прямо, как раньше, но второй грифон, поменьше, пролетел над ней так близко, что она чуть не упала. Т’руук злобно каркнула, замахнулась на преследователей своими синими когтями, но они легко увернулись.

– Чего вам надо? – Инис выпрямилась на спине сестры, так разозлившись, что и сказать нельзя.

– Говорящий йенлин! – с притворным удивлением воскликнул красный.

Его спутница, бело-серая грифоница с мощными серыми лапами и пышным гребнем из серебристых перьев на затылке, злобно щелкнула клювом.

– Ты неаккуратно поела, орлиный клан! Вон кусок еды прилип к твоей спине.

Т’руук оторвалась от них, свернув к каменистому участку земли, но они погнались за ней, как за добычей, и с хохотом сели на землю. Инис почувствовала, как горячая рука паники сжала сердце. Это могло плохо закончиться.

– У тебя на спине еда, орлиный клан, но она уже завоняла и несъедобна. Наверное, лежит там не один год, – опять начала голубоглазая грифоница.

– Очень умно! – воскликнула Инис. – Великий Твин, несомненно, наградил тебя мозгами – жаль, что это мозги ласки!

– Моя сестра выросла в Эльвинии, как и вы, – сказала Т’руук необычно тихо. – Королева Феллвин сама дала разрешение на это. Подумай об этом, прежде чем причинять нам неприятности.

Большой красный грифон покачал головой:

– Протекции ищешь, малышка? Так, может, и ты не грифон? Может, йенлин-человек высосала твой йост, пока вы спали в гнезде, и ты стала птичкой, от которой воняет человеком?

Т’руук зашипела, а Инис уже соскочила с ее спины и выставила вперед коготь-нож, который всегда носила на поясе.

– Смотри! – закричала синеглазая. – У нее и коготь есть!

Оба засмеялись. Инис подавила ярость.

– Будь у меня такие же когти, как у моей сестры, ты бы уже валялась в пыли, истекая кровью.

Красный захохотал еще громче.

– Из какого ты клана, человеческое яйцо? Орла или льва? Или из своего собственного?

– Подойди ближе, хорек, тогда узнаешь, – сказала Инис.

– Лучше оставьте нас в покое. – Т'руук расправила крылья и взъерошила перья на шее, стараясь казаться больше, но Инис слышала в ее голосе тревогу. – Нас есть кому защищать. Думаешь, наши близкие спрячут голову под крыло и сделают вид, что ничего не произошло, если вы нападете на нас?

– Надо это съесть, – предложила синеглазка. – Мы же голодные. Заодно окажем всем услугу.

Она сделала выпад, и в широко раскрытом черном клюве мелькнул фиолетовый язык. Но Инис оказалась проворнее – она увернулась и вскочила противнице на спину. Белая яростно завопила, но достать Инис клювом никак не могла. Эту ошибку часто совершали грифоны, имея дело с Инис, – они не учитывали проворства, что давал ей малый рост, и ловких рук, благодаря которым она могла залезть туда, где ее совсем не ждали.

– Отстань от меня! Брысь! Вонючка! – Белая забила крыльями так, что почти оторвалась от земли.

Ее большой красный друг был так ошеломлен развитием событий, что попятился, не зная, что делать. Одной рукой Инис схватила самые крупные перья на гребне белой, а другой провела ножом по тому месту, где они выходили из кожи. Раздался громкий треск, и пучок серебристых перьев остался в руке Инис. Она успела заметить алую кровь и порез на голове грифоницы, прежде чем та закричала и сбросила ее с себя. Инис сильно ударилась о землю, но тут же вскочила. Нельзя подставлять грифонам затылок даже на секунду.

– Сюда! – крикнула ей Т'руук. – Быстрее!

Инис вскочила сестре на спину, и вовремя. Белая грифоница вопила от ярости и мотала головой из стороны в сторону, не в силах разглядеть, что натворила Инис. Большой красный грифон был потрясен. Он не мог понять, откуда на белоснежных перьях его подруги взялись ярко-алые капельки.

Т'руук взлетела так быстро, как только могла, но тут же спустилась пониже к земле, чтобы стать незаметной; в ясном небе они превратились бы в легкую мишень.

– Зачем ты это сделала? – прошипела она.

– Ты сама знаешь! Она чуть не откусила мне руки.

– С тобой всегда проблемы, – с горечью сказала Т'руук. – Они этого не забудут, Инис, ни он, ни она, так что мы обе дорого заплатим за эти перья.

Инис посмотрела на перья, которые все еще сжимала в кулаке. На них болтался толстый лоскут окровавленной серой кожи, но они все равно были очень красивы. Инис встряхнула пучок, и кожа отвалилась.

– Они летят за нами? – спросила Т'руук.

Инис обернулась, держась одной рукой за перья на плече сестры. В небе никого не было, но вот насчет земли Инис не могла утверждать – ее жалкие человеческие глаза не позволяли разглядеть, что происходит внизу. Эх, то ли дело грифон! Ее сестра, например, с неба видит в ручье рыбу размером с мизинец.

– Нет, никого нет... кажется.

– Ладно. Смотри. Впереди скалы.

Земля под ними стремительно опустилась, и взглядам открылся большой провал. На противоположной его стороне, у подножия окаймлявших его скал, текла широкая, но мелкая река, порожистая и бурная, а над ней виднелся ряд темных нор, вырытых прямо в камне.

– Спрячемся там, – подала идею Инис. – Только сначала спустись пониже. Если они летят за нами, то пусть думают, что мы сунулись в первую же дыру.

Труук последовала совету сестры: спустилась на уровень нор и медленно полетела вдоль скал на запад. Наконец она выбрала один вход, наполовину скрытый ползучими растениями и разлапистыми кустами, аккуратно влетела внутрь и приземлилась прямо за узкой полосой света, падавшей снаружи. Там она присела, и Инис поспешно слезла с нее, как с дерева.

– Подождем, – сказала Труук и принялась нервно чистить маховые перья.

Инис поняла, что ее сестра сильно устала и испугалась, и сразу почувствовала себя виноватой. Она посмотрела на перья, которые все еще сжимала в руке, и поспешно сунула их в сумку. Грифонья кровь на ее руках высохла и теперь ничем не отличалась от козлиной.

– Прости меня, – сказала она тихо. – Сама не знаю, зачем я это сделала.

– Затем, что они хотели тебя съесть, вот зачем, – ответила Труук чуть сварливее, чем хотелось бы Инис.

– Снова я все испортила.

Инис вытерла руки о тунику. Она сшила ее сама, из кожи и лоскутов тканей, снятых с трупов, а потом нашла на нее слой черных и серых перьев, которые взяла у сестры и отцов. Внезапно эта попытка казаться тем, кем она не являлась, показалась ей отчаянной глупостью; выглядеть как грифон, обладать йостом – для нее это невозможно. Она даже покраснела от стыда и тут же почувствовала отвращение к себе: еще одна глупая человеческая привычка. Стыдиться и грустить – совсем не по-грифоньи.

– Посидим здесь чуть-чуть, вдруг они нас ищут.

– Белой камнежорке теперь не до драки.

Инис неохотно улыбнулась – она поняла, что сестра хочет ее развеселить.

– Прости, – повторила она. – Будь я настоящим грифоном, ничего такого с нами не случилось бы. Как мне жаль... – Она посмотрела на свои руки, такие тонкие и странные по сравнению с красивыми когтями сестры. – Ненавижу быть человеком.

– Ты такая, какая есть, – сказала Труук. Ее глаза сверкнули золотом в полумраке пещеры. – Этого уже не изменишь. Но ты моя сестра и всегда будешь ею.

Инис слегка отвернулась, чтобы Труук не видела ее влажных глаз.

– А ты – моя.

Они еще подождали, но Труук скоро заскучала – она вообще не отличалась терпением, как почти все грифоны, – и тогда они рискнули высунуться наружу. Вокруг никого не было, только лениво жужжали пчелы да перекрикивалась пара белых птиц, которые свили гнездо на скале напротив.

– Подумать только, они обозвали меня птицей, – с отвращением в голосе сказала Труук. – Да я сама должна была снять с них скальпы только за это.

– Вряд ли они еще пристанут к нам, – заметила Инис. Но, глядя на засохшую кровь на своих руках, она подумала: «Еще неизвестно, какую цену мы заплатим за эту победу». – Ладно. Летим домой.

4

Если хочешь узнать больше о расах титанов, то почитай заметки Гинид Тайли по этому поводу. Вряд ли кто-то из ныне живущих знает о них больше. Да, тебе придется обратиться к ней напрямую, чтобы получить доступ к ее записям, от этого никуда не деться. Это не та информация, которую империя хранит в библиотеках.

Отрывок из воспоминаний посланника Каэто, адресованных коллеге более низкого ранга

Ночь была тихой и безветренной. Стратум с его шумом и огнями остался позади. Каэто ехал верхом на собственной лошади, Белиза – на пони из конюшен Имперского управления. Длинная дорога, прямая, точно стрела, вела через безликую степь с высокой травой и редкими высохшими оливами во дворец Небесной Сини.

– Я только хочу сказать, – подала у него за спиной голос Белиза, – зачем тащить меня в такую даль, чтобы я потом просто сидела на улице и ждала, когда вы закончите разговор?

– Ты не будешь сидеть на улице, Белиза, – ответил Каэто; его взгляд был прикован к плавным очертаниям построек впереди и огромному стеклянному куполу в центре – любимой обсерватории императрицы. – Тебе разрешат подождать в приемной. Как по-твоему, в приемную дворца Небесной Сини часто пускают уличных замарашек с Пятого кольца?

– О, какая честь для меня, – протянула девчонка с непередаваемым сарказмом, и Каэто подавил улыбку. – Вот только какой в этом смысл? Взглянуть на саму императрицу, хотя бы одним глазком, – вот это я понимаю. Я буду вести себя тихо-тихо, как мышка. Забьюсь в уголок, и никто меня не увидит и не услышит. Вы же знаете, я могу вести себя совсем тихо, когда надо, шеф.

– Хм. Я бы поспорил. Впрочем, это все равно не имеет значения. Императрице Селестинии... неуютно рядом с детьми. Будет лучше, если она не станет отвлекаться.

Белиза фыркнула. Она уже давно не считала себя ребенком. И вообще, она не такая, как все дети. Зря, что ли, у нее есть работа?

– Скажи мне, Белиза, почему вокруг дворца Небесной Сини так тихо?

Девочка вздохнула. Каэто слегка придержал коня, чтобы ехать с ней бок о бок.

– Да ладно тебе. Это простой вопрос.

Белиза наклонилась вперед и почесала своего пони за ушами.

– Это из-за большого стекла во дворце, да? Императрица смотрит в него на звезды, а если бы здесь были люди, то были бы дома, фонари, костры и всякий другой свет, который мешает разглядывать небо ночью.

– Верно, – тихо сказал Каэто. – Когда-то здесь был город, примерно за десять лет до твоего рождения. Не город, а так, городишко, но дела у местных жителей шли хорошо, пока императрица не приказала построить обсерваторию вне столицы. Ей нужно было тихое место, без шума и огней. Ради этого процветавший городок сровняли с землей, а его жители оказались на улице. Так они и пошли куда глаза глядят, одни погрузив свои пожитки в повозки, другие просто с узлами на плечах.

Белиза повернулась, чтобы взглянуть на него. Дорога утопала в темноте, и только благословенные звезды и луна освещали их, но посланник ясно видел в глазах помощницы неприкрытое любопытство.

– Похоже, вы полагаете, что это была не лучшая идея, шеф.

– Суждение не входит в наши обязанности, Белиза. Однако внимательное наблюдение всегда может научить чему-то новому. Из того, чего у тебя нет, порой можно извлечь не меньше пользы, чем из того, что торчит прямо у тебя перед носом. – Он обвел рукой пустую равнину.

Вдалеке виднелся небольшой заброшенный дом с провалившейся крышей. – Узри могущество империи.

У дворца они разделились: Белиза отправилась с животными на конюшню, чтобы проверить, как там за ними присмотрят, а Каэто шагнул под высокие и гулкие дворцовые своды.

Дворец Небесной Сини был почти пуст – обслуги здесь находилось ровно столько, чтобы поддерживать чистоту и обеспечивать императрице все необходимое. Стража у дверей обсерватории хорошо знала Каэто и пропустила его без лишних вопросов. Посланник вошел в огромный круглый зал в самом сердце дворца и мгновение постоял, озираясь. Стены здесь были из темно-синего мрамора, на их блестящей полированной поверхности мерцали золотом изображения созвездий. Середину зала занимало огромное сооружение из меди, устремленное к стеклянному потолку; именно оттуда императрица смотрела на освященные звезды, купаясь в сиянии своих славных предков.

Каэто кашлянул, прочищая горло, и громко сказал:

– Ваше сияние, я прибыл по вашему приказу.

Ему показалось, что его голос затерялся в огромном зале, однако через несколько секунд тишины медная колонна в центре зажужжала, огромные шестеренки на ее поверхности закрутились, и в задней части колонны открылся узкий проход. Оттуда показалась маленькая ножка в туфельке и осторожно ступила на пол, словно не уверенная в том, какой прием ее ждет, а следом возникла миниатюрная фигурка – императрица Селестиния.

Она была невысока ростом – Каэто знал, что, встань они рядом, сиятельная макушка едва дотянется до его груди, – поэтому человек подслеповатый, да еще издали, вполне мог принять ее за полноватого ребенка. Но стоило императрице поднять глаза и повернуть к наблюдателю свое лунообразное лицо, как иллюзия мгновенно исчезала. Ее волосы цвета темного золота, которые ежедневно умащали маслом и расчесывали, были заплетены в две длинные косы, похожие на веревки; глаза чуточку навывкате всегда оставались распахнуты так, словно императрица постоянно чему-то удивлялась. На ней было домашнее шелковое платье, темно-синее, в тон стен, и узкая золотая лента на лбу, усеянная крошечными розовыми кристаллами. Под мышкой она держала куклу – Каэто поглядел на игрушку мельком, но тут же на всякий случай отвел глаза.

– Посланник, – заговорила императрица. В ее голосе слышался тихий увядающий свист – так свистит чайник, когда в нем заканчивается вода. – Наши предки сегодня такие же яркие, как весь этот месяц. Я с трудом заставляю себя оторваться от линз, чтобы не пропустить чего-нибудь важного.

– Рад слышать это, ваше сияние. Мастер по стеклу, которого я прислал из освященного Гойля, произвел требуемые вам улучшения?

– О да! – просияла Селестиния. – У него очень острый глаз. Я никогда не думала, что в Гойле так хорошо разбираются в стекле, но рада, что в кои-то веки оказалась не права. – Она крепче сжала куклу под мышкой и на мгновение прислонилась к ней щекой. – Давай сядем. Я уже несколько часов не выходила из обсерватории.

Они вышли из зала на длинный просторный балкон, где ждал накрытый стол: фрукты, маленькие пирожные и огромная чаша с чем-то, похожим на травяной чай. Над чашей струился пар. По прикидкам Каэто, до рассвета оставалось еще часов пять, но императрица давно утратила нормальные человеческие привычки, и прислуга знала, что еда должна быть готова в любое время дня или ночи. Селестиния сначала усадила за стол куклу – в специальное кресло со стопкой подушек, так, чтобы ее лицо оказалось на уровне стола, – потом села сама, лицом к равнине, и только после этого кивнула Каэто, позволяя сесть и ему. Императрица взяла с тарелки посыпанную сахаром сливу и стала нарезать ее на тонкие ломтики.

– Говори, – коротко приказала она.

Каэто кашлянул:

– Первую роту герольдов отправили в отставку около трех месяцев назад, ваше сияние. Почти все покинули Стратум и уехали на юг, чтобы начать новую жизнь в освященных землях. Но кое-кто еще в городе.

– Они создают сложности?

Каэто запоздало осознал, что сидит напротив куклы. Маленькое сияющее личико помимо воли притягивало взгляд; голова, руки и ноги куклы были сделаны из белой глины, покрытой лаком; художник, рисовавший кукольные черты, придал им выражение, которое Каэто про себя всегда определял не иначе как хитрое. Мягкое тряпичное тело куклы было наряжено в черный шелк и кружева.

– Не более, чем мы ожидали, ваше сияние, – продолжал он. – Одни болеют, другие слабеют. Но есть и те, которые не изменились. Пока.

Императрица взяла кусочек сливы и положила его на язык. Несколько секунд они сидели молча. Где-то во дворце громко хлопнула дверь. Каэто сразу вспомнил Белизу: как там у нее дела в приемной? Не вывела ли еще из себя кого-нибудь из слуг?

– И что же?

Каэто подавил вздох:

– Состояние одного из герольдов, известного как Освящающий Форти, ухудшалось быстрее, чем у других. Император Юстиния приняла решение... исключить его из уравнения досрочно.

Тонкие розовые губы императрицы изогнулись, улыбка вышла кислой и мимолетной.

– Значит, она приняла решение? Осторожнее, посланник. Иногда твой тон говорит яснее всяких слов.

– Простите, ваше сияние.

– Получается, она настаивает на ускорении событий, да? – Императрица протянула руку к кукле и с помощью шнурка поправила ее позу, чтобы та села прямо. – Она просто не может видеть мой приказ без того, чтобы его не подправить. Я хотела, чтобы герольдов не трогали как можно дольше. После всего, что они сделали для империи, это меньшее, что мы можем им дать. И все же... – Ее крошечные, сморщенные пальчики коснулись кукольного лица так, словно она хотела его смять. – Не исключено, что милосердная смерть – более мудрый выбор.

– Ваше сияние, как я уже имел честь отметить, если все наши герольды-пенсионеры начнут умирать внезапно, это...

– Может вызвать вопросы. Я знаю. Но я не об этом хотела говорить с тобой сегодня, посланник.

Каэто выпрямился. Многие высокопоставленные граждане империи, включая императора Юстинию, считали императрицу безумной – или, по крайней мере, не способной постичь все тонкости управления огромным государством. Каэто знал, что это не совсем так. Императрица была целеустремленной женщиной со странными увлечениями, это правда; но, кто знает, быть может, при такой власти, как у нее, причуды – единственный способ сохранить рассудок? Поэтому, когда она говорила, он слушал.

– Ты хорошо знаешь Гинид Тайли, посланник Каэто?

– Я не уверен, что хоть кто-то может претендовать на это, ваше сияние. Гинид Тайли даже теперь остается в некотором роде загадкой для империи. Я много лет выполнял задания, связанные с ее работой, помогал находить необходимые ей ресурсы. При этом я всего два раза говорил с ней лично.

– И какое у тебя составилось мнение о главном костоправе и алхимике империи?

Каэто ответил не сразу, и она помахала перед ним вилкой:

– Можешь говорить все, что считаешь нужным.

– Она потрясающе умна. Никто под нашими освященными звездами не знает о магии и титанах больше, чем она. Ее целеустремленности можно только позавидовать. Но и честолюбия у нее не отнять.

– Ты доверяешь ее суждениям?

– В том, что касается герольдов, титанов и магии руды, – абсолютно. В том, что касается сострадания, справедливости, моды, искусства, еды и всего прочего, я предпочту иные авторитеты.

Императрица сухо усмехнулась:

– Полагаю, этого достаточно. Тайли считает, что она нашла новый источник костей титанов на северо-востоке, далеко от Стратума.

– Новый источник? – подался вперед Каэто. – Что это значит? Разве не доказано, что империя владеет всеми останками расы титанов, известными на данный момент? Или почти всеми. За исключением тех, что на Бретлении.

– Это мы так думали. А Тайли считает, что кости могут быть... – Императрица глубоко, с присвистом выдохнула. – В общем, она считает, что это останки пока неизвестных титанов.

Каэто откинулся на спинку стула, хлопая глазами.

– Новые титаны?

– Отлично, правда? Гинид считает, что эти новые останки могут обладать свойствами, не похожими на те, которые нам уже известны. С их помощью мы создадим герольдов, которые будут жить куда дольше, чем какие-то жалкие восемь лет. Возможно, и способности у них будут другие. Так она считает.

– Это замечательно.

– Вот именно. Если она права, то наш нынешний скромный проект... – не договорив, Селестиния потянулась за серебряной сахарницей и начала ложку за ложкой сыпать в свой стакан маленькие белые горки сахара.

– Теряет свою актуальность, – закончил за нее Каэто.

– Я знаю, что ты всегда был против наших действий в Эльвинии. – Императрица взяла изящный стеклянный графин и налила из него в бокал прозрачную жидкость, которая растворила сахар. Запахло спиртным. – И даже отзывался о них как о «чрезвычайно рискованных» и «граничащих с самоубийством».

– Я и теперь не отказываюсь от своих слов, – сказал Каэто. – Эта затея способна погубить не только много наших людей, отправленных на ее выполнение, но и саму репутацию империи, если слухи о ней просочатся вовне. Но что это за останки? И где они находятся?

– Я рада, что тебе это интересно. – Селестиния сделала глоток из бокала. – Ты сам поедешь туда с Тайли и все увидишь. Твоя задача, как и всегда, будет состоять в том, чтобы обеспечивать ее всем необходимым для работы и устранять любые препятствия, с которыми она может столкнуться. Тебе понятно?

Каэто притих. Меньше всего на свете ему хотелось сопровождать Гинид Тайли в ее странствиях по неосвященному востоку, но как посланник он не имел права отказываться от поручения, данного императрицей. И все же он не сдержался и спросил:

– Я чем-то оскорбил ваше сияние? Я в чем-то не угодил вам?

Императрица рассмеялась отрывисто и сухо. Потом встала и подняла с кресла куклу.

– Неужели она и впрямь такая ужасная, Каэто? До меня, конечно, доходили разные слухи, но, если даже ты не можешь скрыть свою неприязнь к ней, стало быть, характер у нее тот еще. Вы отправляетесь с началом следующей луны. На твоём месте я бы навестила ее сразу по возвращении в Стратум, выяснила бы, что ей нужно для поездки, а еще начала бы учиться держать язык за зубами.

Императрица наклонила голову и поцеловала куклу в сияющую щеку:

– Пойдем, сестра, звезды ждут нас.

5

Истинный секрет успеха герольдов не в их убийственных клинках или крыльях, а в их стремительности. Силы титанов действуют не бесконечно – максимум полчаса, и то если повезет, – а когда время истечет, то крылья и клинки исчезают, и герольду нужен отдых (это значит, что сила титанов не годится, например, для путешествий. Пролетев половину пути через море на магических крыльях, можно промокнуть сильнее, чем рассчитываешь). Поэтому каждое сражение с участием герольдов должно проходить быстро и быть тщательно спланированным, так, чтобы пустить этих бойцов в ход лишь в самый ответственный момент и их мощью окончательно сокрушить врага. «Обрушивайте на них свою ярость, как летнюю грозу», – таким было одно из наставлений Гинид Тайли, адресованное солдатам. Кто бы мог подумать, что в этой твари окажется столько поэзии?

Фрагмент из личных записок посланника Каэто

Шел уже поздний час, а Левен слишком много выпила. Она поднималась к себе, когда мир вокруг закачался из стороны в сторону, как ошалевший маятник, и ей пришлось привалиться к стене, чтобы не упасть. Ей еще только предстояло привыкнуть к тому, что в каждой таверне ее поят бесплатно, но Левен уже подозревала, что утром, когда ее, скорее всего, начнет выворачивать наизнанку, ей это очень не понравится.

– С тобой все в порядке? – окликнул ее кто-то с нижней площадки.

Левен только махнула рукой и буркнула в стену:

– Все прекрасно! Я в полном порядке, все отлично! – И снова помахала рукой. – Просто провожу перегруппировку нижних конечностей.

Послышался звук удаляющихся шагов – равнодушный гражданин двинулся восвояси. Из общего зала таверны неся шум гульбы, который с уходом почетной гостьи только крепчал. Кто-то уже подбирал одним пальцем мотивчик на старом разбитом пианино. Похоже, она ушла вовремя.

Левен осторожно отделилась от стены и сделала еще пару шагов вверх. Нет, так не годится – придется все-таки держаться за стену руками. «Может, призвать крылья и пролететь остаток пути?» – подумала она, но даже в своем нетрезвом состоянии сообразила, что это плохая идея: на узкой лестнице негде развернуться, так что она просто пробьет стену, которая в тот момент была ее лучшим другом.

Левен почти добралась до своей двери, когда пол вдруг ушел у нее из-под ног, и она примерно на секунду оказалась в каком-то другом месте, погруженном во тьму. Там шел снег, падая на каменистую землю. Ледяной ветер задул ей в спину, так что она стиснула зубы.

– Что?

Проморгавшись, Левен увидела, что стоит на четвереньках в коридоре, всего в паре футов от своей двери. Снег пропал, безжалостный лунный свет погас. В коридоре было тепло, даже душно. В ноздри ударил запах средства для полировки дерева. Левен почувствовала, что протрезвела, и осторожно поднялась на ноги.

– Что это сейчас было?

Она дошла до комнаты, благополучно переступила порог, и вдруг все повторилось: тепло и безопасность исчезли, и она снова оказалась в ледяной тьме. Причем на этот раз она была маленькой, слабой, ей было холодно и страшно. Она обернулась, пытаясь понять, где она находится, но не увидела ничего, кроме обступивших ее деревьев и ужасных темных промежутков между ними. Почему-то Левен была уверена, что кто-то смотрит на нее из этой тьмы, следит за

каждым ее шагом, желает ей зла. Она отпрянула и услышала, как хрустнул под ее ногой снег. Тут же раздался другой звук, который показался ей странным, – что-то негромко щелкнуло, так, словно ключ повернулся в замке, потом еще и еще. Щелк. Щелк. Щелк. Щелк. С каждым щелчком звук становился громче, и почему-то это пугало ее больше, чем темнота, больше, чем ледяной холод, который сковал ей ноги. Она успела подумать: «Надо было бежать, пока оставалась такая возможность», – как вдруг снова оказалась в своей комнате, на кровати.

– Вот звездные задницы...

Левен села и протерла глаза, разгоняя тревожные видения. Потом огляделась, заново привыкая к обстановке. В таверне «Освящающий очаг» она жила уже не первую неделю и чувствовала себя здесь как дома – во всяком случае, настолько, насколько это вообще было возможно для человека, почти начисто лишенного своих вещей. На спинке стула висела ее грязная одежда, на полу стоял таз с мыльной водой, оставшейся с утра, и везде – на столе, на подоконнике, даже на полу – валялись грязные тарелки и чашки. Левен ощупала знакомую шершавую поверхность толстого одеяла, на котором сидела, – все выглядело как обычно.

– Не знаю, что именно я пила там, внизу... но, кажется, пора с этим завязывать.

Она произнесла это вслух, надеясь, что взбодрится от звука собственного голоса, но он лишь напомнил о ее одиночестве. Восемь лет подряд она жила бок о бок с одними и теми же людьми и вдруг оказалась совершенно одна. Немудрено, что это действовало ей на нервы.

– Просто следовало поесть как следует, и все было бы нормально.

Тут она вспомнила Форо с его рассказом о ночных кошмарах, которые он считал своими воспоминаниями, и ей вдруг стало тревожно: после той встречи прошло уже несколько недель, а он не приходит и даже весточки о себе не пришлет.

Левен осторожно встала и подошла к столу, где стоял большой кувшин с водой и тяжелый стакан для питья. Она взяла кувшин и начала пить прямо из горла, чтобы хоть немного разбавить выпитое спиртное, но держать кувшин вдруг стало удивительно тяжело, и, поставив его на стол, она заметила, что у нее дрожат руки. Она вытянула их перед собой и уставилась на серебристо-голубые полосы, которые пересекали ее ладони.

– Так, – тихо сказала Левен самой себе. – Что, мать твою, со мной происходит?

* * *

Следующее утро выдалось именно таким тяжелым, как и ожидала Левен. Тем не менее она заставила себя встать и выйти на улицу, чтобы сразу же оказаться в дневной круговерти, на редкость яркой и шумной. Она шла, опустив голову и прикрыв лицо волосами, – настроенная общаться с поклонниками не было. Форо жил на Втором кольце, в большом трехэтажном пансионе с множеством комнат, предназначенных для неприхотливых постояльцев, готовых жить в тесноте. Форо вполне мог позволить себе место подороже, но, будучи осмотрительным человеком, понимал, что денег, полученных им после увольнения из армии, до конца жизни не хватит.

Левен вошла прямо в контору домовладельца в передней части здания, где обнаружила невысокого сухощавого мужчинку, который сидел за письменным столом. Пальцы мужчинки были розовыми от красного табака, которым он пропах с головы до ног; вошедшую Левен он смерил таким взглядом, словно она заела всю его жизнь.

– О, еще один герольд, – сказал он, глядя куда-то поверх головы Левен. – Тебя-то мне и не хватало.

– Значит, он дома, да? Или нет? Мне нужно его увидеть.

– Дома? Хотел бы я, чтобы он, бесстыдник, был дома. Хамство, вот как это называется. Хамство, и больше ничего.

– Почему хамство?

– Он ушел две недели назад, – сообщил коротышка, наконец встретившись с ней взглядом. – Ночью, видать, смылся, чтобы я, значит, не видел, как он уходит.

– Как это – ушел?

– Ну, как люди уходят, юная дама? – Коротышка удивленно поднял брови. – Через дверь, как еще?

Левен открыла рот, чтобы ответить, но он перебил ее:

– Ушел, и все свои шмотки забрал, а мне ни слова не сказал, и никому из obsługi тоже.

– Что, даже по счету не заплатил?

Коротышка снова отвел взгляд.

– Ну, как не заплатил? Оставил на столе столбик монет, ровно столько, сколько с него причиталось, но дело-то не в этом, так? Знай я, что комната освободилась, отправил бы туда парня прибраться да и пустил нового жильца. А так комната простояла пустая день, ночь и еще половину утра, пока я скумекал, что к чему. Целый дневной заработок я из-за него потерял, вот что.

Левен заморгала, собираясь с мыслями.

– Ну, что тебе еще? Я занятой человек.

Левен медленно перевела дух. Больше всего ей сейчас хотелось перегнуться через стол, взять мелкого ублюдка за грудки и выволочь из его берлоги.

– Да нет, ничего... А он... э-э-э... ничего не говорил перед уходом? Чего-нибудь особенного?

Содержатель таверны покачал головой:

– Э-э, видать, в герольды не по уму отбирали, а, детка? Ты хоть слышала, что я сказал-то? Ни с кем он не говорил, просто ушел, и дело с концом.

Левен вышла на улицу. Тут было шумно, кругом люди спешили по делам. Она почувствовала начинающуюся головную боль. Значит, Форо ушел с вещами. И ни слова ни хозяину таверны, ни ей. Хотя, если подумать, что тут странного? Форо, как все герольды, теперь сам себе голова – куда хочет, туда идет. Или едет. Делает все, что ему заблагорассудится. И ни перед кем не отчитывается.

И все же.

Ей почему-то стало не по себе.

– Наверное, его просто достал этот мелкий зануда, – сказала она себе. – Вот он и решил сменить дислокацию.

Она шла по переулку, который, как она знала, был кратчайшим путем с одного кольца на другое, когда темноватый и теплый проход вдруг исчез, и холодный ветер обдал ее открытые плечи, а по шее пробежали ледяные мурашки. Левен подняла глаза и вместо прочной кирпичной кладки увидела высокие черные деревья с корявыми от грибных наростов стволами.

– Только не это...

Под ногами снова были снег и земля, а прямо впереди виднелись темные каменные развалины. И когда она посмотрела на них, то сразу поняла, что уже бывала в этом месте, причем не один раз. Ощущение было странным. Она, например, знала, что сразу за ближней к ней стеной есть ров, засыпанный камнями, а за ним – колодец, покрытый льдом. Этого колодца она боялась – по ночам в нем раздавалось странное эхо.

– Где я?

Откуда-то сверху донесся пронзительный крик, и, подняв глаза, Левен увидела небо, голубое, как яйцо малиновки, и темный силуэт на нем.

– Грифон?

Огромный зверь в небе повернул голову так, словно услышал ее, и она мельком увидела его серебристо-серый глаз, ищущий ее среди деревьев. А потом грифон нырнул вниз и понесся к ней сквозь кроны деревьев...

Левен сильно вздрогнула и очнулась. Она лежала скорчившись на мостовой в переулке. С улицы на нее смотрел какой-то прохожий. Он явно беспокоился, но, когда Левен пошевелилась, он как будто передумал проявлять любопытство и поспешил прочь. Она поднялась на ноги, тщательно отряхиваясь. Ее руки дрожали.

Грифон. Чуть какая. Таких руин, как те, в лесу, она не видела ни разу за все восемь лет службы, и все же она знала их, и знала хорошо. И грифон...

– Раз грифон, значит Бретления.

Единственный край, на который так и не смогла напасть империя, хотя попытки предпринимались не один раз; единственный край, куда никогда не входили герольды. Стоя в теплом переулке, Левен вспомнила ледяное дыхание леса на своем затылке и содрогнулась. Как это возможно?

6

Лес к чему-то готовился.

Киллиан чувствовал это всем телом, вплоть до кончиков пальцев. Живой зеленый шум, который был частью лесной жизни и ее порождением, стал странно напряженным, настороженным. Киллиан поймал себя на том, что вглядывается в тени между деревьями так, словно ждет, что из них в любую секунду появится нечто.

– Ты чувствуешь это? – прошептал он.

Друин постарше, с которым они сидели на корточках в подлеске, взглянул на Киллиана и нахмурился. Утренний свет, пробивавшийся сквозь кроны деревьев, пятнами играл на его рогах, длинных и загнутых назад, – рогах черного козла.

– Это нельзя не почувствовать, – настаивал Киллиан. – Оно повсюду.

– Ты можешь помолчать? – рявкнул на него Эден. – А то мы его потеряем.

Киллиан, ничего не ответив, пересел в густом подлеске ближе к Тропе. С нового места он лучше видел дунохи; его огромное тело мерцало на краю утопанной земли, а широкие рога сливались с ветвями деревьев. Вокруг дунохи неслышно падали листья, и это беспокоило наблюдателей – обычно лесные духи шли через Дикий лес медленно и невесомо, как нежный ветерок, ничего не ломая и даже не задевая, а только способствуя росту. Лесной гигант пошевелился и слегка повернул голову, словно прислушиваясь.

Киллиан увидел длинный голый череп дунохи и, сделав еще пару шагов вперед, остановился, чтобы вынуть ветку, которая запуталась в завитках его рогов.

– Килиан, назад, – зашипел на него Эден. – Ты слишком близко.

– Он же меня знает, – прошипел Киллиан в ответ. – Дай мне поговорить с ним.

– Ты идиот. Только старшие могут говорить с дунохи, и ты это знаешь.

– Надо же нам понять, что случилось. – Киллиан обернулся к Эдену. – Разве спросить его об этом прямо – не лучший способ?

– Если и лучший, то не для тебя, щенок, – отрезал Эден.

Дунохи, казалось, не замечал их. Он вышел на Тропу и неуверенно замер, словно не зная, что дальше. Киллиан хорошо знал этого лесного духа, много лет наблюдая за ним в лесу. Дух был рослым даже для дунохи – не менее двенадцати футов, с рогами, – а его огромные плечи курчавились зеленым мхом и плющом. Тело было жилистым и худощавым; мускулы из толстой коры и бледных древесных волокон отчетливо выделялись в лучах утреннего солнца, а колени выгибались назад, как задние ноги оленя. Вместо головы у него был огромный продолговатый череп, похожий на лосиный, обглоданный временем до желтоватой белизны. В разинутой пасти копошились черви, жуки и другие мелкие ползучие твари.

– Он нервничает. – Киллиан заметил прядь кудрявого плюща на огромной горбатой спине дунохи – листья на ней завяли и пожелтели. – Говорю тебе, они что-то чувствуют.

Дунохи нечасто оказывались так близко к местам, по которым ходили люди. Они предпочитали нетронутую глубину Дикого леса, где земля пряталась в густом подлеске и толстом слое гниющей листвы. В обязанности друинов входило расчищать Тропы и следить за тем, чтобы с лесными душами все было благополучно. Почти все друины, братья и сестры Киллиана по ордену, проводили свое время на Тропах, ухаживая за ними и лесом вокруг, а также сопровождали путников сквозь Дикий лес. Тем же самым занимался и Киллиан, но ему хотелось исследовать места, невидимые человеческому глазу.

– Отойди. – Эден приблизился к укрытию, где притаился Киллиан. – Оставь его в покое, тогда он сам вернется.

Но Киллиан только покачал головой. Теперь он особенно ясно видел, что с дуохи что-то не так. Тот ходил взад и вперед, потряхивая своей длинной костлявой головой так, словно у него в рогах что-то застряло, от чего дуохи жаждал избавиться.

– С ним надо поговорить. И будет лучше, если я сделаю это один.

– Нет! У тебя же нет опыта, Киллиан. – Эден потянул его сзади за плащ. – А ну как он рассердится? Или... или станешь трауном. Ты этого хочешь?

Киллиан повернулся к старику и выдернул у того из рук край своего плаща.

– Не глупи. Разве нас не этому учат?

– Наша главная обязанность – держать свой разум открытым так, чтобы слышать жизнь Дикого леса, и оберегать Тропы, – чопорно заявил Эден. – Общение с дуохи – это удел старших, Киллиан, а не таких, как ты да я.

– Ну так дай мне сделать это одному. Без тебя у меня лучше получится.

– Ах ты, наглец! – задохнулся от возмущения Эден. – Да как ты смеешь говорить так со мной?

Эден продолжал браниться, но Киллиан уже отвернулся от него и смело ступил на утоптанную землю Тропы. Лесной дух сразу повернул к нему свое костяное лицо, явно осознавая его присутствие. Киллиан протянул ему навстречу руки, показывая, что они пусты.

– Дуохи, странник деревьев, дух леса. Что тревожит тебя? – заговорил он тихо и вдруг понял, что ему открылась вся внутренняя жизнь леса.

Покалывание, которое Киллиан ощущал в кончиках пальцев, распространилось по рукам и груди; ощущение жизни и роста вокруг превратилось в терпкий зеленый привкус во рту. Он ощущал и распад – это разлагались опавшие листья под ногами. В лесу все было именно так, как должно быть, но, едва взглянув на дуохи, он снова ощутил разлад. Это ощущение нельзя было объяснить словами – словно что-то узкое и тонкое скользнуло в его душу, как змея в листву, и угнездилось там. Киллиан не знал, как это объяснить, но именно это он чувствовал.

– Дуохи, – снова обратился Киллиан к лесному духу. – Мы – дети Друиданнона. Раздели со мной свою боль.

– СМЕРТЬ.

Голос возник прямо в голове у Киллиана, минуя уши. Он вздрогнул, но с места не двинулся. Пустые глазницы дуохи смотрели на него в упор.

– УБИЙСТВО.

Лесной дух встряхнулся, снова осыпав землю дождем из листьев, и опустил голову рогами вперед. Киллиан невольно попятился и тут же вспыхнул от смущения. «Если дуохи нападет на меня и растерзает, Эден будет рассказывать эту историю годами», – подумал он.

Но лесной дух не бросился на него и не вырвал ему кишки своими плоскими желтыми зубами. Дуохи вонзил огромные рога в утоптанную Тропу и устремился вперед. Комья земли, камни, дерн и куски корней полетели в разные стороны фонтаном, пройдя сквозь тело дуохи, как нож сквозь масло. А он, пропахав глубокую рытвину в Тропе, кинулся в древесную чащу на другой ее стороне и снова замер, слившись с лесной тенью. Киллиан стоял на месте как вкопанный, от удивления не в силах пошевелиться. Сердце бешено колотилось в его груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.